

м-2
«Приазовский край» (Ростов н/Д), 1896, 27 мая, № 139
с. 5 в 7-м (м-с. 2-3)

Журнальные отголоски.

1. «Фан с мезонином». Рассказ художника. А. Чехова. 1.1.

ством передъ пониманіемъ смерти, сдѣлала Валентину спокойной, необходимой, почти деракой въ послѣднюю минуту. И совершилось то, что случается чаще, чѣмъ иное: слабый убилъ сильнаго».

Мы не сомнѣваемся, что эта сцена, несмотря на всю свою ужасную трагичность, была прочитана всѣми съ улыбкою на лицѣ. Читая приведенныя выше строки, какъ и всю «петербургскую новеллу» г-жи Гиппиусъ, ни на минуту не можешь освободиться отъ сознанія, что все это сочинено для вышшаго эффекта, что все это неправдоподобно, неестественно и даже противоестественно. Никакой рѣшительно художественной цѣнности новая повѣсть г-жи Гиппиусъ не имѣетъ, и если она имѣетъ какое-либо значеніе, то только для характеристики самого автора, какъ «новаго человѣка». Слѣдуетъ еще замѣтить, что своей новой повѣстью г-жѣ Гиппиусъ далеко не удалось реабилитировать любезныхъ ея сердцу новыхъ людей. Даже болѣе, — намъ кажется, что изъ-подъ ея пора они выходятъ гораздо болѣе несимпатичными и убогими, нежели въ дѣйствительности.

По крайней мѣрѣ, г. Чеховъ, который далекъ отъ восклатанія и преклоненія предъ новымъ человѣкомъ, изобразилъ его въ болѣе привлекательномъ видѣ, чѣмъ г-жа Гиппиусъ. Въ новомъ, блестящемъ многими художественными достоинствами, разсказѣ: — «Домъ съ мезониномъ», помѣщенномъ въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли», мы встрѣчаемъ еще одного, въ своемъ родѣ, новаго человѣка, въ лицѣ художника-пейзажиста, отъ лица котораго ведется разсказъ. По своему духовному

облику новый герой г. Чехова принадлежитъ къ тому разряду людей, которыхъ онъ удачно называлъ «хмурыми». Хмурость въ данномъ случаѣ объясняется безцѣльностью, безсмысленностью существованія, отсутствіемъ объединяющаго жизненнаго начала. Скука гнетущая и непрерывная томить нашего художника и онъ не можетъ извѣститься отъ этой скуки даже работой — рисованіемъ пейзажей, — которую онъ, повидимому, любитъ и которой обязанъ своей широкой популярностью. Эта ужасная скука заставляетъ его безцѣльно слоняться изъ города въ городъ, отъ одного знакомаго къ другому, и все это онъ продѣлываетъ какъ автоматъ, безъ всякой жизни, безъ интереса. У него нѣтъ ни семьи, ни друзей, никакихъ вообще привязанностей, нѣтъ никого и ничего, къ чему-бы онъ чувствовалъ живой интересъ, что заставляло-бы его сердце сильнее биться. Но, какъ человѣкъ мыслящій, онъ иногда отъ скуки не прочь быть пофилософствовать и поспорить о матеріальныхъ важностяхъ и, случалось, даже снисходить къ тѣмъ вопросамъ, которые волновали героиню разсказа, убѣжденную, что «самая высокая и святая задача культурнаго человѣка — это служить ближнимъ», и всѣми силами старающуюся жить согласно этому своему убѣжденію. Въ случайной бесѣдѣ съ этой дѣвушкой, жившей безвыѣздно въ деревнѣ въ качествѣ сельской учительницы и въ случаѣхъ крайней необходимости оказывавшей медицинскую помощь крестьянамъ, нашъ герой высказалъ, между прочимъ, нѣсколько очень характерныхъ для него соображеній на счетъ дѣятельности своей собесѣдницы. Къ такого

рода дѣятельности этотъ господинъ относится отрицательно. «Мужицкая грамотности, — говоритъ онъ, — книжки съ жалкими наставленіями и прибаутками и медицинскіе пункты не могутъ уменьшить ни невѣжества, ни смертности такъ — же, какъ свѣтъ изъ вышнихъ оконъ не можетъ освѣтить этого сада. Вы не даете ничего, вы своимъ внимательствомъ въ жизнь этихъ людей создаете лишь новыя потребности, новый поводъ къ труду». «Нужно освободить людей отъ тяжкаго физическаго труда. Нужно облегчить имъ, ярно, дать имъ передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корытъ и въ полѣ, но имѣли-бы также время подумать и о душѣ, о Богѣ, могли-бы пошире проявить свои духовныя способности. Прізвание всякаго человѣка въ духовной дѣятельности — въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни. Сдѣлайте для нихъ ненужнымъ грубый животный трудъ, дайте имъ почувствовать себя на свободѣ, и тогда увидите, какая въ сущности насѣшка эти книжки и аптечки. Разъ человѣкъ сознаетъ свое истинное призваніе, то удовлетворять его могутъ только религія, науки, искусства, а не эти пустяки». Собесѣдница могла-бы тутъ, конечно, прервать зарпортованнаго художника прежде всего вопросомъ, почему онъ самъ, совершенно свободный отъ физическаго и всякаго труда, такъ мало думаетъ «о Богѣ и о душѣ», почему онъ до сихъ поръ не осмыслилъ своей жизни и почему, наконецъ, онъ такъ глубоко несчастливъ, прекрасно сознавая свое истинное призваніе и имѣя возможность властвовать удовлетворять его и религіей, и науками, и искусствомъ? Но

«Приазовский край» (Ростов н/Д), 1896, 27 мая, № 139

с. 5.

Журнальные отголоски

1. «Дом с мезонином» Рассказ художника. А. Чехова. [..]

собеседника нашего художника, не сочла нужным прервать его наивной речи, и он меланхолически продолжал развивать свою глубокую мысль: «Если бы всё мы,—говорил он,—городские и деревенские жители, всё без исключения, согласились поделить между собою труд, который затрачивается вообще человечеством на удовлетворение физических потребностей, то на каждого из нас пришлось бы не более двух-трех часов в день. Представьте, что всё мы, богатые и бедные, работаем только три часа в день, а остальное время у нас свободно... Всё мы сообща отдаем этот досуг наукам и искусствам. Как иногда мужики миром начинают дорогу, так и всё мы сообща, миром, вскаки-бы правды и смысла жизни и—я уверен в этом—правда была бы открыта очень скоро, человек избавился бы от этого постоянного мучительного, угнетающего страха смерти и даже от самой смерти».

Только бездельничавшему и скучающему художнику, смотрящему на труд, как на самое страшное зло, вечно к тому же угнетаемому страхом смерти, могут взбрести на ум такие дикие фантазии. Из всех разглагольствований его явствует, во-первых, что, не смотря на свой досуг, он очень мало занимался науками, и, во-вторых, что до правды, до смысла жизни ему, в сущности, всё равно никакого дела. Если бы он был хоть сколько-нибудь близко знаком с «науками» и серьезно интересовался бы правдой и смыслом жизни, то он фантазировал бы совсем в другом направлении, да и не только фантазировал бы... Справедливость требует, однако, сказать, что

впоследствии велемудрый художник устыдился этих своих фантазий, да вообще он не имел никаких последствий: его собеседник остался при своем убеждении и продолжала работать в том же направлении.

Надо думать, что и на героя рассказа г. Бунина — «Тарантеллу», напечатанного в апрельской книжке «Нового Слова», речи художника не произвели бы никакого впечатления. Он по-прежнему продолжал бы тянуть тяжелую лямку сельского учителя, по-прежнему продолжал бы зябнуть в зимние ночи в своей холодной каморке и так же, как и до сих пор, продолжал бы мечтать о поездке на родину, будучи уверен в то же время, что поездка эта—мечта, которую ему еще в течение многих и многих лет не удастся осуществить, так как много воды утечет прежде, чем он сможет скопить необходимую для поездки сумму. «Тарантеллой» рассказ называется вот почему: будучи приглашен к одному помещику на вечер, герой немножко хватил, что называется, через край и под влиянием винных паров под звуки «Тарантеллы», к удивлению всех гостей и к ужасу хозяина, пустился отплясывать «камаринскую». Этот незначительный случай причинил молодому человеку не мало огорчений и безвозвратно разрушил надежды улучшить положение школы, при которой он состоял учителем.

С. Довнин.